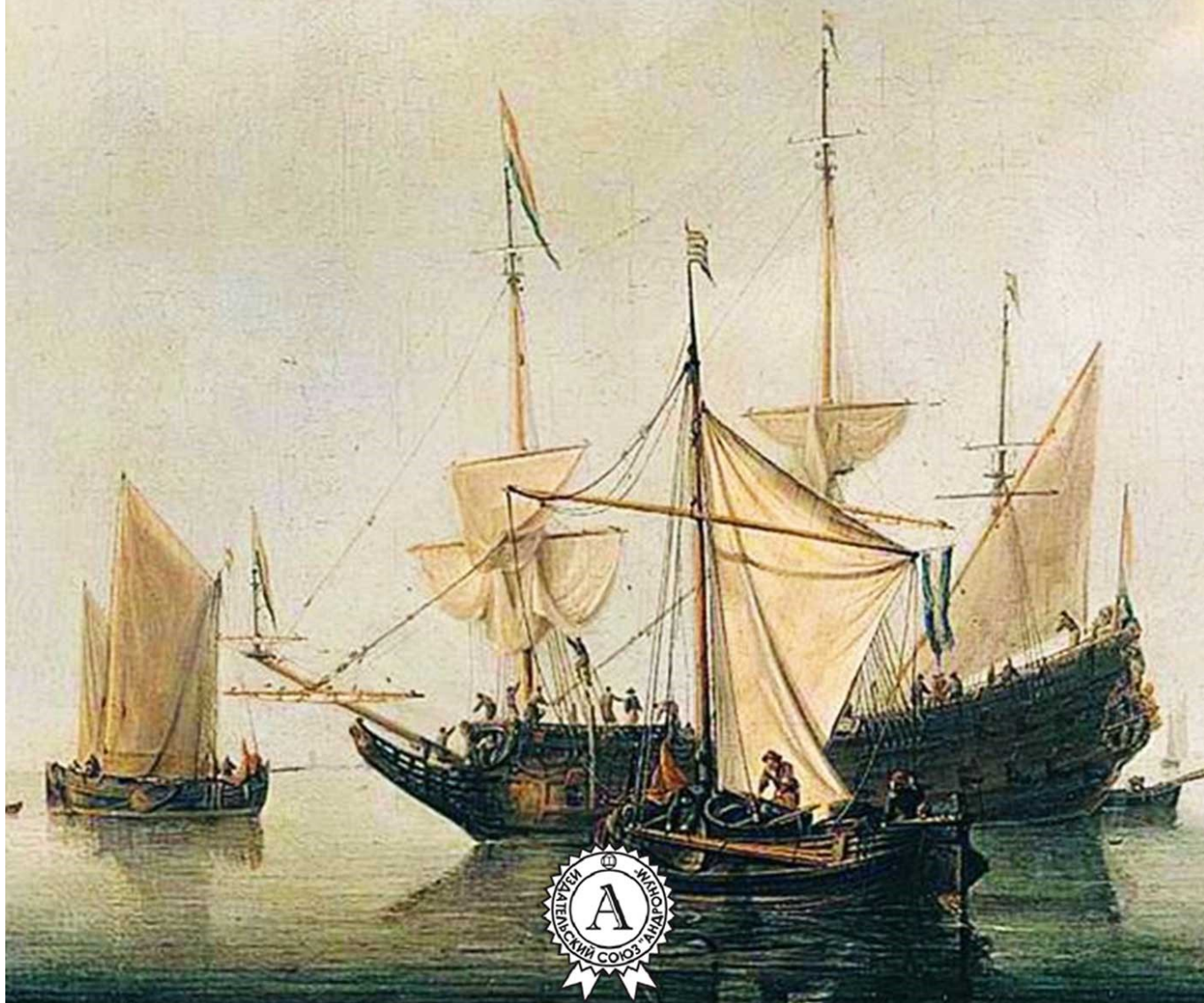

П. Р. Фурман

**Саардамский
ПЛОТНИК**

*«Саардамский плотник» — произведение русского писателя и живописца Петра Романовича Фурмана (1816–1856).****

«Саардамский плотник» — историческая повесть для юношества П. Р. Фурмана. В голландском городе Саардаме появился необычный плотник, которого местные называли «русский брат». Когда к русскому плотнику Петру прибыло посольство с его родины, и прибывшие начали оказывать «брату» царские почести, у голландцев просто подкосились ноги.

Фурман Петр Романович известен как художник и блестящий переводчик с французского, английского, немецкого и итальянского. Писал он и оригинальные произведения, преимущественно исторические повести и рассказы для юношества: «Нарва», «Саардамский плотник», «Сын рыбака Михаил Васильевич Ломоносов», «Александр Васильевич Суворов-Рымникский», «Александр Данилович Меншиков», «Детские комедии, повести и были».

Произведения П. Р. Фурмана написаны простым, ярким, выразительным языком. В них в занимательной форме рассказывается о русской истории: о выдающихся исторических личностях, событиях, принесших славу русскому оружию.

Книги П. Р. Фурмана познавательны и будут интересны современному поколению, которое хочет знать историю своей страны.

Петр Романович Фурман СААРДАМСКИЙ ПЛОТНИК

Глава I НЕЗНАКОМЕЦ

То, о чем я намерен рассказать вам, друзья мои, происходило в Голландии в 1697 году в небольшом городке Саардаме, замечательном по своим корабельным верфям и имеющем для нас, русских, особый интерес.

Рассветало. Солнце, вынырнув, так сказать, из моря, величественно поднималось над горизонтом. Легкий утренний туман скользил еще по гладкой поверхности моря, широкие волны которого ровно набегали на берег и оставляли между камнями желтоватую пену. Рыбачьи лодки с маленькими белыми парусами пересекали по всем направлениям зеленоватые струи, в которых отражалось уже утреннее солнце сквозь более и более редевший туман. Вдали, на горизонте, виднелись огромные корабли с распущенными парусами и издали походили на морских птиц, летающих над водою и поджидающих неосторожную рыбу. Берег начал оживляться.

Над остроконечными кровлями Саардама поднимались в воздухе столбы серого дыма; по временам на порог дома выходил работник и, потягиваясь, зевая, смотрел на небо, на воду, на землю, почесывался и опять возвращался в дом. В верфях лежали, подобно морским чудовищам, корабли, более или менее оконченные; тут представлялся взору скелет корабля, не обшитый еще досками, далее черная масса полуоконченного, смоленого судна; наконец, красивые формы шхуны, украшаемой живописью. Но ни одного живого существа не было еще видно на верфи. Зато ветряные мельницы подражали деятельности рыбаков и как бы приветствовали их своими неутомимыми крыльями.

К одной из мельниц приближались двое детей: мальчик лет двенадцати и девочка лет четырнадцати. Робко отворили они дверь и стали подниматься вверх по узкой деревянной лестнице, выбеленной мукою. Едва ступени закрипели под ногами их, как сверху послышался грубый голос, вскричавший:

— Кто там?

— Это мы, — робко отвечал мальчик.

— Кто вы? Отвечай толком.

— Дети Гаардена.

— Опять вы! Что вы, с голоду умираете, что ли? — сердито вскричал мельник, показавшись на мельнице. — Вчера вы три раза приходили, а сегодня чуть свет опять здесь.

Девочка опустила голову и в смущенье стала щипать конец своего передника. Мальчик же устремил свои светлые, голубые глаза на белый колпак сердитого мельника и отвечал:

— Простите нам, мейстер Фозрбук, мы сами жали и сами молотили эту рожь, а потому нам хочется поскорее покушать собственного хлеба. Папенька говорит, что заработанный хлеб вкуснее.

— Твой отец — умный человек, — возразил мельник, смягчившись. — Ну, потерпите немножко: через четверть часа ваша мука будет готова.

С этими словами он позвонил, но никто ему не отвечал. Серdito топнув ногою, Фозрбук наклонился, открыл люк в полу и закричал вниз:

— Эй, Польдерс, лентяй! Спишь ты, что ли, что не слышишь звонка? Подсыпь зерен живее, а не то я тебя самого посажу между жерновами.

Работник поспешно исполнил приказание хозяина, подсыпал зерен ненасытным жерновам, потом, просунув голову в отверстие люка, сказал, глупо усмехаясь:

— Хозяин, а хозяин!

— Что тебе?

— Посмотри, хозяин, в окно.

— Зачем?

— Посмотри только, — сказал работник и глупо засмеялся. — Там стоит какой-то человек и зевает на мельничные крылья, точно будто бы никогда не видал их. А платье-то на нем, платье! Не то что старое, а смешное! Широкие панталоны со складками, куртка со светлыми пуговицами, а шапка... шапка такая, какую я и в жизнь не видывал! Посмотри, хозяин, посмотри!

Мельник, радуясь случаю позевать, так поспешно просунул голову в маленькое окно, что чуть не уронил свой колпак. Из окна мельницы представлялся приятный, привлекательный вид. Склон небольшой возвышенности, начинавшейся непосредственно за Саардамом, был покрыт множеством мельниц, крылья которых кружились быстрее и быстрее по мере того, как ветер разыгрывался. Вдали простиралась синяя полоса моря, берега которого начинали оживляться. При звуках колоколов со всех сторон сходились

корабельные плотники. Но мельник не обратил внимания на вид: он уже привык к нему, а по странному устройству нашей природы все то, к чему мы привыкаем, теряет для нас свою прелесть. Зато мейстер Фозрбук с особенным любопытством вытаращил глаза на незнакомца, внимательно смотревшего на вертевшиеся крылья.

— Польдерс, — сказал мельник своему работнику, — это, должно быть, иностранец?

— Кажется.

— Это, может быть, китаец?

— Разве есть настоящие китайцы?

— Разумеется, дурачина!

— А я думал, что китайцы бывают только фарфоровые, — сказал Польдерс.

— Я заговорю с ним, — сказал мельник.

— Разве ты знаешь по-китайски? — спросил Польдерс.

— Нет, но он, может быть, знает по-голландски, — отвечал хозяин.

— Ну, попробуй.

И Польдерс просунул голову в другое окно, одним этажом ниже хозяина.

Детям также очень захотелось посмотреть, но других отверстий не было в стене.

Незнакомец, увидав две забавные головы в белых колпаках, высунувшиеся из окон, невольно улыбнулся.

— Польдерс! — сказал хозяин сверху, — он улыбнулся.

— Да-да; но поговори же с ним, — отвечал работник снизу.

Фозрбук кашлянул, поднес руку к колпаку и сказал:

— Здорово, приятель!

Незнакомец кивнул головою.

— Откуда ты, любезнейший? — продолжал мельник.

Незнакомец не отвечал и опять обратил внимание на устройство мельницы.

— Ого! Да он важничает! — произнес мельник. — Эй, дружище! Не подходи близко; ты слишком высоко поднял нос, как раз крылья отшибут.

Незнакомец не обратил внимания на грубую выходку мельника и спросил его отрывисто:

— Что стоит твоя мельница?

Лицо мельника вытянулось.

— Польдерс, — сказал он, — это, никак, покупатель. Я давно уже собираюсь сбыть свою мельницу. Разве ты хочешь купить ее? — спросил он, обратившись опять к незнакомцу.

— Я спрашиваю, что она стоит.

— Так зайдите, минхер, да посмотрите; после я объявлю цену.

Незнакомец немедленно взбежал по деревянной лестнице.

Тогда дети увидели стройного молодого человека прекрасной наружности. По топору, бывшему у него под мышкой, и по треугольнику, висевшему на плече, в нем можно было узнать плотника. Не обращая внимания на приветствия и расспросы хозяина, он стал рассматривать внутреннее устройство мельницы. Ни одно колесо, ни одно бревно не было оставлено им без внимания. Все ответы хозяина на отрывистые вопросы его записывал он в маленькую книжечку.

Наконец, осмотрев все подробности, он спросил опять:

— Дорого ли обходится постройка такой мельницы?

— Дорого ли? — повторил мельник.

— Да-да.

— Правду сказать?

— Разумеется.

— Ну, дружище, ты, кажись, малый добрый, — сказал мельник, — возьми же ее за 320 гульденов, да и дело с концом! По рукам, что ли?

— Нет, — возразил незнакомец, — я не думал покупать твоей мельницы.

— Как не думал? — и лицо Фозрбука опять вытянулось. — Что же ты спрашивал о цене?

— Я хотел только знать, во сколько может обойтись постройка.

— Вот что! — и мельник презрительно отвернулся. — Больно любопытен, приятель!

В это время работник принес мешок муки.

— Вот вам, дети, ваша мука, тащите ее с Богом.

— Скажи мне, пожалуйста, — спросил незнакомец, — где здесь живет лучший корабельный мастер?

— Который? — спросил мельник. — У нас много лучших.

— Блундвик.

Дети спустились в это время вниз по лестнице.

— Пойдите! — закричал мельник им вслед. — Эй, дети! Покажите этому молодцу дорогу к дому Блундвика.

— Спасибо, — сказал незнакомец, уходя.

Любопытство Фозбука не было еще удовлетворено, а потому он пошел за незнакомцем и спросил его:

— Ты, верно, хочешь просить работы у Блундвика?

— Да, — отвечал незнакомец отрывисто.

— Ты, верно, издалека? — продолжал любопытный.

— Да.

— Уж не из Швеции ли?

— Нет.

— А! Так, верно, из Польши?

— Нет.

— Откуда же у тебя такое странное платье?

— Мне так нравится.

— Гм! Скажи мне...

— Прощай! — и незнакомец, ускорив шаги, последовал за детьми.

— Да, нет, да, нет, — ворчал раздосадованный Фозбук. — Сам небось все выспросил да выведал, а потом онемел, словно рыба! Приди же ты в другой раз!

Глава II МЕЙСТЕР БЛУНДВИК

Несмотря на тяжесть мешка, дети почти бегом спешили домой. Они мечтали уже о том, как маменька испечет им из муки хлеб и с каким аппетитом они будут есть его. Наконец, выбившись из сил, мальчик опустил мешок на скамью, стоявшую перед ближайшим домом, чтобы отдохнуть.

— Дай мне мешок, — сказала девочка, — теперь моя очередь нести.

— Нет, я сам донесу, — отвечал мальчик, запыхавшись.

Но в это самое время незнакомец сильною рукою схватил мешок и без малейшего усилия взбросил его себе на плечи.

— Вы замараетесь мукой, — сказал мальчик, который, может быть, боялся, чтобы незнакомец не ушел с мешком. — Вы замараетесь; оставьте, я сам снесу.

— Ничего, ничего, услуга за услугу: вы покажите мне, где живет корабельный мастер, а я донесу вам мешок; ну, вперед!

Дети пошли вперед, но мальчик не переставал искоса поглядывать на мешок.

— Чьи вы дети? — спросил незнакомец, пройдя несколько шагов.

— Корабельного плотника Гаардена, — отвечал мальчик. — Он тоже работает у Блундвика.

— А тебя как зовут?

— Фридрихом.

— А сестру твою?

— Анной, — отвечала девочка.

— Ну, Бог даст, мы будем знакомы, — сказал незнакомец, погладив их по головке.

В это время они подошли к красивому домику из ярко-красного кирпича и с зелеными ставнями.

— Вот здесь живет мейстер Блундвик, — сказал Фридрих.

— А вы где живете? — спросил незнакомец.

Мальчик указал ему другой, простенький домик; незнакомец донес туда мешок, простился с детьми и потом вернулся к дому с зелеными ставнями. Минхер Блундвик, высокопочтенный корабельный мастер, объемистый, как сороковая бочка, сидел в своей рабочей комнате за столом, на котором лежали рисунки, чертежи, сметы и счета.

По правую сторону, на особенно устроенной полке, стояла в симметрическом порядке полдюжина предлинных, но тоненьких трубок; возле них зажженная свеча в чистом серебряном подсвечнике и в глиняной кружке множество узеньких бумажек, фидибугов, для зажигания трубок. По левую сторону на столе находилась низенькая, почти круглая бутылка со светлым вином, стакан, вполовину опорожненный, селедка, приправленная луком, голландский сыр и белый хлеб. На невысокой скамеечке возле стула, на котором сидел хозяин, стояла фарфоровая чашка с ручками, служащая у голландцев плевательницей.

Несмотря на непопозволенный объем своего живота, минхер Блундвик недаром заслужил звание искуснейшего корабельного мастера; он был чрезвычайно деятелен. Даже теперь, как вы видите, он исполнял три дела вдруг: занимался, завтракал и курил: не говоря уже о том, что он еще беспрестанно плевал.

Молодой незнакомец вошел в комнату и осмотрелся.

Толстый хозяин исчезал в густом, непроницаемом облаке дыма; но, наконец молодой человек увидел его, подошел поближе и, не снимая шапки, кивнул головою. Блундвик с изумлением вытаращил свои маленькие глаза, потом, вынув на секунду трубку изо рта, произнес с голландским хладнокровием:

— Шапку долой!

Незнакомец повиновался, и черные кудри его рассыпались по плечам.

— Что тебе? — спросил Блундвик отрывисто.

— Работы, — так же отрывисто отвечал молодой человек.

— Откуда?

— Из Амстердама.

— Паспорт.

Незнакомец вынул бумагу и подал мастеру.

— Петр Михайлов, — прочитал Блундвик не без труда, — от роду 26 лет. Ага, москвитянин?

— Русский.

— Каждая селедка рыба, но не каждая рыба селедка, — отвечал Блундвик. — Так ты просишь работы?

— Да.

— Изволь, почтеннейший! — и, взглянув на одну из бумаг, лежавших перед ним, мастер продолжал: — Завтра можешь начать на верфи под номером третьим. Жалованье назначу, когда увижу твою работу.

— Я за большим жалованьем не гонюсь; я хочу учиться, — с живостью возразил молодой человек.

— Неглупо, очень неглупо.

— А потому прошу тебя, мейстер, приставить меня к такой верфи, где ты начнешь строить новый корабль.

У Блундвика чуть не выпала трубка из рук от изумления.

— Что-о-о? — произнес он протяжно. — Тебя? Ты! Откуда такая фамильярность, приятель?

— У нас такой обычай.

— Мало ли что у вас! У нас же, почтеннейший, говорят хозяину «вы», слышишь! Ну да ладно, я на такие безделицы не сержусь. Ступай с Богом! Завтра мы примемся за киль шестидесятипушечного корабля. На нем ты наработаешься вволю!

— Спасибо, хозяин! — вскричал обрадованный Михайлов. — Позволь мне спросить тебя еще об одном.

— Спрашивай.

— Дорого ли обойдется новый корабль?

Блундвик захохотал.

— Много знать будешь, скоро состареешься, — отвечал он. — Твое дело не цена, а работа.

— Но я бы желал знать...

— Изволь, изволь! Возьми столько, приложи еще немножко да помножь на восемь, так все еще не будет доставать гульдена.

И весьма довольный шуткой, минхер Блундвик опять засмеялся и движением руки показал молодому человеку, что он может идти.

Глава III ЗАЛОЖЕНИЕ КОРАБЛЯ

На башенных часах в Саардаме пробило три четверти пятого. На верфях колокола сзывали на работу, и со всех сторон стекались мастеровые и подмастерья. Иные отправлялись на разные верфи, другие сходились на открытую, довольно обширную площадку, посреди которой лежало огромное бревно.

В числе работников был и Михайлов, на которого новые товарищи смотрели с некоторым изумлением.

Но вот пробило пять часов, и вдали показался тучный Блундвик. На широком плече его покоился красивый топор, древко которого было украшено серебром; круглый живот был обтянут новым кожаным передником; он был одет по-праздничному, потому что заложение корабля всегда происходит с некоторым торжеством и церемониями.

При появлении его все плотники сняли шапки и произнесли в один голос:

— Доброе утро, мейстер!

Блундвик с важностью кивнул головою во все стороны и, подойдя к бревну, занял почетное место.

Тогда один из подмастерьев, высокий, худощавый и рыжий голландец, вышел из толпы и встал на бревно. Это был *краснобай*, на котором лежала обязанность говорить речь при заложении кораблей.

Рыжий голландец откашлянулся и, размахивая топором, стал говорить:

Братья и товарищи! хочу я вам сказать,
Что каждому из нас надлежит ведать да знать.
Выстроить дом нужно много затей,

Но выстроить корабль того еще трудней.
В доме человек рождается и умирает,
А на корабле, словно птица, весь свет облетает.
Дом стоит на земле,
Корабль плывет по воде.
В корабль же — пробьется вода.
В воде же одни рыбы живут,
А люди мрут.
Когда над грозными волнами,
Над разъяренными водами,
Гонимый страшными ветрами,
Летит под всеми парусами
Корабль, нами сотворенный,
Верный, крепкий, неизменный,
Бережет множество людей,
Отцов, братьев и детей.
Опасность очень велика,
Но храброго моряка
Бережет Бог да наше судно!
Это справедливо, хоть и чудно.
Итак, на этом месте
Помолимся мы вместе,
Чтобы Господь наш труд благословил
И будущих обитателей его хранил.

С этими словами подмастерье снял шапку, все последовали его примеру, и, опустив голову, оратор стал говорить громким голосом молитву из молитв:

— Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлеб наш насущный даждь нам днесь; и прости нам долги наши, яко же и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Твое бо есть царствование, и сила, и слава, во веки веков. Аминь.

— Аминь! — повторили все в один голос. Оратор продолжал:

Теперь, братцы, еще одно слово.
Оно необходимо, хоть и не ново.
Да процветает наше милое отечество!

— Виват! — закричали все плотники.
— Да здравствует магистрат и все купечество!
— Виват!

Песня еще не вся пропета:
Нашему мейстеру многие лета!

— Виват! Виват!

А теперь каждый товарищ и брат
Да закричит другому: виват!

— Виват! Виват! Виват!

Последнее «виват» было громче и продолжительнее прежних, потому что каждый кричал для себя.